

Тофу Нуна

18+

ТЕНИ В КАДРЕ
сборник рассказов

Тофу Нуна Тени в кадре

<https://litres.ru/74500604>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сборник рассказов. Мистика, ужасы, фантастика, тёмное фэнтези. Каждая глава — это отдельная история.

Рассказы небольшие. Пишите в комментариях, какой рассказ понравился вам больше всего.

Содержание

Отражение женщины в красном	4
Мясной двор	10
Тараканы	17
Мои эмоции	28
Бедные богатые	41
Чистая рубашка	53
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Тофу Нуна

Тени в кадре

Отражение женщины в красном

Дождь хлестал по асфальту, размывая кровь в грязную розовую жижу. Заправка выглядела как кадр из сломанного фильма: неоновая вывеска мигала, лужи отражали тусклый свет, а тени от навеса ложились на бетон рваными полосами. Пахло дождём, железом и бензином, воздух был тяжёлым, липким.

Я стояла над телом дочери-подростка и чувствовала, как внутри всё застыло. Пальцы сами потянулись к телефону рядом с ней. Экран ещё тёплый. Сунула его в карман.

Ко мне подошла женщина в полицейской форме. Назвала меня по имени. Кажется, мы знакомы. Велела ничего не трогать. Она не видела, что я уже взяла телефон. Её голос звучал откуда-то издалека, будто сквозь толстое стекло.

Уже давно, в тот день, когда я скрыла улики ради мужа, моё отражение стало прозрачным. Тогда он был военным, а не тем, кем стал потом. А я была копом. Ктого напал на него, он ударил в ответ — слишком сильно. Я подчистила место преступления, и меня не раскрыли. Повезло. Но отражение моё с тех пор стало меркнуть, растворяться в пространстве.

Муж косячил снова и снова, а я подтирала за ним, пока мы не зашли в тупик и не разошлись. Но дочь ни в чём не виновата. Теперь она лежит здесь, а я не могу пошевелиться. Только смотрю, как дождь смывает последние следы её жизни.

Звук оборвался резко — видео на телефоне дочери доиграло до конца. Хлюпающий, вязкий звук умирающего человека застыл в тишине. Я смотрела запись в своей машине. В груди всё сжалось. Теперь я знаю, кто это сделал. Но никому не скажу. Сначала нужно дёрнуть за ниточки и найти их. Тихо, чтобы не спугнуть птенцов из гнезда.

Достала свой телефон, набрала номер бывшего мужа. Мой голос звучал ровно, почти спокойно:

— Приезжай в тот бар, где мы познакомились. Нужно поговорить.

Бар был мёртвым. Пыль лежала ровным слоем. Тихо. Старые доски скрипели под каждым шагом. Сам воздух здесь уже прогнил. Зеркало над стойкой потрескалось. В его осколках дрожали тусклые тени.

Муж вошёл — высокий, сильный, с щетиной. И почему он до сих пор один? Мы вспомнили, как познакомились тут, как танцевали, когда этот бар ещё дышал. И, поддавшись воспоминаниям, слово за слово, и мы закружились снова в танце. Словно оба хотели вернуться в прошлое. От него пахло кожаной курткой и виски. Щетина, как и раньше, щекотала мне щеку. Тёплый. Но шаг за шагом нас тянуло к этим осколкам,

к нашей треснувшей жизни.

Когда мы остановились перед зеркалом, он замер.

— О, чёрт... Оно совсем пропало? Как... как это произошло? Где твоё отражение?

— Я не знаю, — ответила ровно. — Есть вещи поважнее.

Я отпустила его, поправила волосы, посмотрела прямо в глаза:

— Наша дочь. Её убили.

Он застыл. Ни гнева, ни слёз. Только пустота, в которой медленно оседала эта правда. Минута тянулась как вечность. Наконец он выдохнул:

— Кто?

Я покачала головой:

— Не знаю.

Если скажу ему — убьёт их сам. А такой расклад меня не устраивает.

— Но есть зацепка. Байкеры-свидетели видели преступника. Копы их не могут вызвать в участок, так что они пока вне игры. Найди их. Но не спугни. Я сама допрошу — я это умею, ты знаешь. Если ты начнёшь давить, они будут врать, каждый своё. Нам нужна правда.

Он помолчал, потом кивнул. Подошёл, обнял. Его руки были тяжёлыми, объятья удушающими. А в зеркале... Я смотрела, как отражение мужа держит то, чего уже нет.

Время стёрло с заправки всё — осталось только размытое пятно на асфальте, будто выцветшая тень жизни моей доче-

ри. Я сидела, глядя сквозь пространство вдаль, туда, где всё сливалось с серой пустотой.

Телефон зазвенел — муж. Голос был ровным, без лишних слов: «Они у старой лесопилки, возле трейлера с проржавевшей вывеской». Я кивнула сама себе и поехала.

Красное платье трепало ветром из открытого окна. Мне не хватало воздуха. Уже стемнело. Когда дочь убили, я была на свадьбе подруги и была в красном из зависти. Теперь, когда моё отражение совсем пропало, я не знаю, насколько неотразима сейчас. Хах.

Байкеры встретили свистом и сальными намёками. Их голоса звучали грубо, маслянисто, будто сами слова были покрыты грязью. Я шла прямо к ним, не ускоряя шаг, не пряча взгляда. Выцелила главного. Самый самоуверенный среди толпы.

Он дерзил, ухмылялся, уже считал меня своей забавой. Рука скользнула в сумочку, пальцы сомкнулись на холодном металле. Пистолет вышел легко, он сам просился в ладонь. Один выстрел — в лоб. Резко. Без раздумий.

Тишина ударила сильнее грохота. Байкеры замерли. А я стояла и смотрела, как ухмылки сползают с их лиц. Тут же подкатил пикап, вспыхнули фары — слепящий белый свет ударил по глазам. Кто-то осветил фигуры байкеров и меня посреди этого хаоса. Я прикрыла лицо рукой, пытаюсь хоть что-то разглядеть.

Из пикапа вышел мужчина. Никто — ни байкеры, ни я

— не понимал, что происходит. Он молча скинул брезент, обнажив пулемёт. Металл блеснул под светом фар.

— Так и знал, что ты от меня что-то скрываешь, — процедил муж.

Я смотрела сквозь этот безжалостный свет, чувствуя, как он прожигает пустоту вокруг меня. Муж встал за пулемёт, прищурился:

— Это они?

Я коротко кивнула.

Очередь ударила резко, сухо. Пули срезали байкеров по обе стороны от меня — никто даже не успел выхватить оружие. Запах пороха. Звон в ушах. Секунды тянулись вечность. Я кричала. Стало тихо. Начался дождь.

Свет погас, и темнота поглотила всё. Холод пробрался под кожу, но слёз не было. Почему я не могу заплакать? Меня трясло. Мир стал слишком пустым.

Муж подошёл, накинул на меня свою куртку. Потом обнял, усадил в машину. Его голос звучал глухо, почти шёпотом:

— Я нашёл твоё отражение. Поэтому приехал за тобой.

Он отвёз меня к заброшенной церкви на окраине города. Она стояла отдельно от всего, будто сама отгородилась от мира. Кирпич потемнел от времени, местами раскрошился, а окна зияли чёрными провалами без стёкол. На дверях висела ржавая цепь. Муж сорвал её одним резким движением.

Внутри пахло пылью и сырой древесиной. Редкие лучи

рассвета пробивались сквозь щели в крыше. Здесь не было никого.

Я зашла в кабинку для исповедей — тесную, душную, с облупившейся резьбой. И там стояло зеркало. В нём было моё отражение — чёткое, настоящее, будто всё это время оно просто ждало, когда я вернусь.

Я подошла.

— Если бы я могла спокойно смотреться в зеркало, как раньше, — прошептала я отражению, — я бы никогда не узнала этот вкус. Холодный, сладкий, как яд. Вкус мести.

Отражение улыбнулось. К нему подошла моя дочь, обняла. Они были там, а я здесь. Они ушли. Вместе, растворяясь во мраке. А я осталась стоять в этом красном платье — одна.

Снаружи донеслись тяжёлые шаги. Потом голос бывшего мужа:

— Как ты? Отражение вернула?

Он вошёл, стал позади меня, огляделся и выдохнул.

— Его нет, — тихо сказал он.

Я медленно повернулась. Теперь, когда отражения не было, я наконец видела, кто стоит за моей спиной. И меня это полностью устраивает.

Мясной двор

Когда Лёша пришёл в себя, первым, что он услышал, было хрюканье — близкое, настойчивое, будто кто-то дышал прямо над ухом. Он резко обернулся и тут же пожалел: в голове взорвалась боль.

Фонарь светил сбоку, и от этого тени плясали по земле, как живые. Лёша потянулся потрогать голову — и пальцы стали липкими. Кровь. Его ударили, а он ничего не помнит.

Свиньи сновали вокруг, толкались, фыркали. Ферма, глухое место. Ни души. Только этот дом неподалёку. Старый, с покосившейся крышей. И в окне горит свет.

Лёша встал, цепляясь за забор. Земля под ногами казалась ненастоящей. Он не знал, где он, не помнил, где был до этого и почему пришёл сюда.

А свет в окне домика всё горел. И манил. Лёша сделал шаг. Потом ещё. Туда, к дому.

Скрип двери прозвучал оглушительно громко, как будто дом закричал. Лёша шагнул внутрь, и пол под ногами ото-звался глухим стоном. Воздух здесь был плотным, почти вязким, и каждый вдох отдавался горечью во рту.

Сначала он заметил крюки. Потом — то, что на них висело. Две обнаженные фигуры, неподвижные, свесившиеся, как тряпичные куклы. А под ними стояли вёдра. Из надразов на телах уже не шла кровь. Лёшу замутило, перед глазами

поплыли мутные пятна.

Дальше, в глубине комнаты, что-то лежало, и взгляд не хотел останавливаться на этом. Не тело, а обрывки формы, неправильные углы, ткань, слипшаяся с чем-то тёмным. Это было похоже на сломанного человека, которого пытались собрать заново по частям.

В углу виднелась решётка, похоже, проём вёл в подвал. Лёша заметил движение, едва уловимое, как если бы внизу кто-то шевелился. Он бросился к решётке и потянул её вверх, но металл не поддался: прутья словно срослись с полом, холодные и неподатливые.

Лёша стоял, вцепившись в ржавую решётку, и вдруг перед глазами нечто там внизу на полу подвала собралось в отчётливую форму: тот самый лавандовый браслет. Он сам его купил. Дешёвый, но аккуратный, с крошечной подвеской в виде сердечка. Тогда Диана взяла его, повертела в пальцах и вздохнула: «Ну хоть не бижутерия из ларька...» А потом лицо её стало жёстким, чужим: «Лёш, мне деньги нужны. На аборт».

В тот роковой день он не поверил. Решил, что это шантаж, попытка выбить из него то, чего у него и так нет. Они кричали друг на друга. Диана бросила: «Я сама заработаю быстрее, чем от тебя дождусь», хлопнула дверью и ушла. А Лёша остался стоять посреди комнаты, будто его ударили.

Потом были месяцы пустых звонков, хождений по старым местам: её не было ни на прежней работе, ни в клубах, ни у

подруг. Телефон молчал. И тогда он пошёл к друзьям. Мишани и Славик не стали отмахиваться: «Разберёмся».

И вот сейчас, среди запаха железа и сырости, память щёлкнула ещё раз: он вспомнил, как приехал сюда по наводке Мишани. Вечер. Ферма. Он тогда даже успел погладить одну свинку. Она хрюкнула, тёплая, живая. А потом из темноты шагнул тот мужик: огромный, тяжёлый, в фартуке, забрызганном кровью. Мясник. В руке у него был камень. И мир погас.

А перед тем как всё почернело, он увидел фары: машина Мишани и Славика подъезжала к воротам. И Мясник спокойно шёл им навстречу, будто ничего не случилось. Наверное, друзья всё видели. Наверное, уже вызвали полицию. Оставалось только дождаться.

Лёша посмотрел ещё раз на браслет под решёткой, тот самый лавандовый, будто на крошечный маяк в темноте. Он не мог просто стоять. Нужно было спуститься, достать его, понять, где Диана. Он огляделся. В стороне от главного входа темнела ржавая дверь. Старая, перекошенная, будто её годами не трогали. Лёша потянул за ручку, и дверь со скрипом поддалась, выпустив волну ледяного, сырого воздуха.

Ступени вели вниз, в густую темноту. Каждая ступенька стонала под ногами, и Лёше казалось, что этот скрип слышат даже на улице. Он спускался, сжимая перила, пока не оказался внизу. Подвал был сырой, тяжёлый, пах плесенью и старым железом. Глаза ещё не привыкли к темноте, но он уже

различал контуры: ящики, какие-то мешки, ржавые цепи.

И тут сверху донеслись звуки: дверь домика снова открылась. Шаги. Шёпот. Потом один из вошедших сдавленно выдохнул, и его затошнило — Лёша узнал этот звук, он слышал его сотни раз после дешёвого пива.

— Его тут нет, — прошептал кто-то.

— Надо срочно найти и уходить, пока нас никто не спалил, — голос был хриплым, торопливым.

Лёша замер. Он вдруг понял: это Славик и Мишаня. Его друзья. Они здесь. Он хотел крикнуть, позвать их и пойти наверх. Но сначала дрожащими пальцами подобрал браслет. Холодный металл обжигал кожу. В тот же миг входная дверь сверху снова распахнулась, и донеслись глухие удары, хрипы, короткий вскрик и потом тяжёлый звук. Что-то большое рухнуло. А следом на решётку сверху упало лицо. Знакомые черты, ссадина на скуле, полуприкрытые глаза... Это был Мишаня. И он не дышал.

Лёша отшатнулся, вжался спиной в шершавую стену, будто хотел сквозь неё провалиться. Воздух застрял в груди. Он стоял, не в силах пошевелиться, пока из темноты не донеслось тихое, рваное сопение.

В углу, скрючившись, сидела Диана. Кандалы впивались в исхудавшие запястья, волосы висели тусклыми прядями, лицо было бледным до синевы. Она смотрела мимо него, будто не узнавая, и тихо плакала, втягивая воздух короткими всхлипами.

Дверь, через которую он спустился, скрипнула. Лёша метнулся за угол и замер, сливаясь с тенью. На ступени шагнул Мясник — огромный, тяжёлый, в том самом окровавленном фартуке. Он не стал спускаться до конца. Только наклонился вперёд, вытянув шею, и выкрикнул в темноту, туда, где сжалась Диана:

— Это из-за тебя! Из-за тебя снова погибли люди! И в этот раз не какие-то там бездомные — их теперь точно будут искать!

Голос гремел в тесном подвале, отдаваясь эхом от сырых стен. Потом Мясник резко развернулся и ушёл, громко топая по лестнице.

Сверху доносились какие-то звуки, возня, Мясник метался по комнате. Диана по-прежнему не реагировала. Лёша нащупал ржавый лом, прижался к полу, упёрся и начал гнуть звенья цепи. Металл стонал, сопротивлялся, но всё же поддался.

Он подхватил Диану под плечи. Она повисла на нём, слабая, исхудавшая, едва переставляла ноги. А наверху вдруг стало тихо. И в этой тишине особенно громко прозвучал хлопок входной двери.

Диана подняла на Лёшу глаза. В этом взгляде слабо мелькнула радость.

— Я хочу есть... Помоги мне, — прошептала она тихо.

Лёша не стал ничего объяснять. Просто кивнул и повёл её вверх по ступеням. Каждый шаг давался ей с трудом, он

почти тащил её на себе, чувствуя, как дрожат её ноги.

Наверху он осторожно приоткрыл дверь. Свет ударил по глазам, и на секунду всё поплыло. А потом картинка встала на место и остудила Лёшу хуже любого удара. Мишаня висел на крюке, и под ним стояло ведро, куда медленно капала кровь. А рядом на полу лежал Славик. Он был не мёртвый, но такой неподвижный, что от этого становилось ещё страшнее.

Лёша хотел броситься к нему, схватить, поднять, утащить отсюда. Он потянул Диану за собой, шагнул из дверного проёма и тут же понял: Мясник ждал. Он стоял сбоку, скрытый тенью, с ружьём наготове.

— Отойди от неё, — голос Мясника был ровным, будничным, будто он просил подвинуться, чтобы пройти.

Но Лёша не сдвинулся. Он встал прямо перед Дианой, закрывая её собой. Пусть стреляет. Пусть делает что хочет. Но она останется за его спиной.

Славик вдруг шевельнулся, застонал, попытался приподняться. Мясник дёрнулся, рефлекторно нажал на спуск. Грохот ударил по ушам. Лёша метнулся вперёд, вцепился в ствол, рванул к себе. Ружьё дёрнулось, прогремел ещё один выстрел, и Мясник охнул, схватился за бок, по его фартуку расплзлось тёмное пятно. Он осел на пол.

— Всё кончено, — выдохнул он, глядя куда-то мимо них, и его веки медленно опустились.

Метрономом по-прежнему капала кровь. И где-то рядом

тихо всхлипнула Диана. Она прошептала одно слово, тихое и странное: «Отец». Потом её ноги подкосились, и она сползла вниз. Стены больше не могли её держать. Лёша обернулся, и взгляд его скользнул по комнате. Друзья были мертвы. Диана — ещё нет. Он потянул её вверх, чувствуя, как дрожат её плечи и как тяжело она опирается на него. Где-то далеко завывали сирены, и этот звук был одновременно самым страшным и самым желанным в мире.

Когда они вышли из домика, ветер ворвался между ними, холодный и чистый, и Лёша на мгновение поверил, что худшее позади. Но тут резкая вспышка, будто по нервам провели лезвием, а потом всё стало мягким, расплывчатым, спокойным.

Голова закружилась, земля приблизилась. Он упал, успев увидеть только, как Диана вытирает рот от его крови, будто стряхивает крошки после ужина. И тут же её кожа стала гладкой, глаза блестели, осанка выпрямилась. Она смотрела на него теперь не как жертва, а как та, кто наконец получила то, что ей было нужно.

А сирены приближались, но Лёша уже не мог понять, спешат ли они к нему или мимо.

Тараканы

Офис. Стекланные перегородки, гул кондиционеров, где-то вдалеке щёлкает принтер. В кабинете Артёма ещё пахнет свежей краской. Он проводит ладонью по спинке нового кожаного стула. Материал чуть липкий, непривычный. За окном высоты серое московское небо, а внизу ползёт поток машин.

В дверь заглядывает коллега, в руках стаканчик с остывшим кофе, на воротнике рубашки крошечное пятно от соуса.

— Ну, поздравляю ещё раз, — говорит он, кивая на табличку с именем на двери. — С этой сделкой... Честно, я бы с тем клиентом месяц спорил, а ты за два письма всё закрыл. Как?

Артём пожимает плечами, пальцы его скользят по краю стола, проверяют, настоящий ли он.

— Да просто повезло. У него, наверное, настроение хорошее было.

Коллега устало усмехнулся.

— Настроение... — он косится в сторону своего отсека, где за одной перегородкой сидят ещё пятеро, и все одновременно говорят по телефону. — Я бы сейчас за «хорошее настроение» такого же жирного клиента продал бы почку. Хочу тоже так — свой кабинет, тишина, чтобы никто не кричал в телефон под ухом.

Коллега хлопает Артёма по плечу, чуть сильнее, чем нужно, и уходит, оставляя за собой послевкусие лёгкой зависти. Телефон вибрирует. Артём смотрит на экран — «Мама».

— Сынок, ну наконец-то! — голос матери тёплый, но в нём дрожит напряжение, наверное, она долго сдерживала радость. — Представляешь, сегодня коллеги в школе все спрашивали, как ты там, а я говорю: «Мой сын теперь руководитель!» Папа бы так гордился, если бы был жив... Ты приезжай на выходных, ладно? Хотя повидаемся, я пирогов напеку.

Артём прижимает телефон к уху, смотрит в окно на струящуюся ленту дорог и кивает, хотя мать не видит.

— Да, мам, приеду. Обязательно.

После работы такси, и вот он уже в своей новостройке. Лифт пахнет герметиком и ДСП. В квартире всё новое: ламинат ещё скрипит, выключатели щёлкают слишком громко, воздух словно натянут. Артём ставит сумку, снимает пиджак, проходит на кухню. В голове обрывки фраз: «ты молодец», «мы на тебя рассчитываем», «просто повезло».

И в тот момент, когда он замирает у окна, глядя на огни соседнего дома, краем глаза в отражении ловит чёрное движение у плинтуса. Резкий, короткий росчерк. Таракан? Или тень? Или просто усталость?

Артём моргает. Смотрит снова — пусто. Только ровный шов ламината, аккуратная линия стыка. Он выдыхает, будто сбрасывает всё напряжение за день.

«Показалось», — шепчет он себе. Но рука всё равно сжимается в кулак, а в груди остаётся тугой, неприятный узел. Мир только что тихо, без крика, напомнил: ты здесь лишний?

Кафе пахло перегретым молоком и корицей, а за окном тянулась бесконечная вереница машин. Артём протянул девушке коробочку, маленькую, тяжёлую, с логотипом дорогого ювелирного. Лера открыла, и её глаза на секунду стали совсем детскими — круглыми, блестящими.

— Ты серьёзно? — она вынула браслет, тонкая золотая вязь легла на запястье, как обещание. — Он же... это слишком.

Он пожал плечами, стараясь улыбнуться ровно, без лишнего напряжения.

— Считай, что это компенсация за все эти вечера, когда я пропадал на созвонах.

Лера рассмеялась, наклонилась, чмокнула его в щёку.

— Рада, что тебя повысили, — сказала она, крутя браслет на запястье. — Честно, когда мы познакомились, ты был тем самым парнем из пригорода, который стеснялся заказать латте побольше, потому что «это дорого». А теперь — руководитель в московской фирме, без связей, без чьейто протекции... Это круто.

Он хмыкнул, теребя салфетку, превращая её в плотный бумажный комок.

— Может, у тебя есть покровитель? — пошутила она, пы-

таясь сбросить этот неловкий груз похвалы. — Властный, невидимый, который дёргает за ниточки.

Он закатил глаза и рассмеялся.

— Ага, и он лично договаривался с тем клиентом. Думаю, я просто всю свою удачу потратил на эту сделку, — он усмехнулся. — Теперь ближайшие пять лет лотерейные билеты покупать бессмысленно.

— О, того гляди и президентом станешь, — подмигнула она. — С такой удачей всё возможно.

Он улыбнулся, но улыбка получилась чуть кривой, будто не до конца приклеилась к лицу.

— Главное, чтобы мне хватило удачи просто не забыть, где оставил ключи.

Она снова рассмеялась, а потом вдруг стала серьёзнее, чуть тише:

— Я рада, что тогда выбрала свидание с тобой, а не с тем парнем, который всё время говорил про свои акции.

Артём кивнул, не глядя ей в глаза, боялся, что она прочитает там эту зудящую мысль: «Я не должен был стать руководителем отдела».

Утром Лера ушла первой — торопилась на лекцию, оставила на столе записку с сердечком и недопитый кофе. Квартира сразу стала слишком большой и слишком пустой. Артём побродил по комнатам, потом пошёл в душ.

Вода ударила по плечам. Жёсткая, с металлическим привкусом. Он налил гель, вспенил, закрыл глаза. И в тот мо-

мент, когда пена потекла по спине, ему показалось, что по коже скользнуло что-то твёрдое, шершавое, не похожее на струю. Он дёрнул плечом, будто муравей пробежал. Потом ещё раз. И ещё. Струйки воды?

Он намылил голову, густая пена стекала по всему телу, и в этой слепой темноте ощущение усилилось: словно по нему ползут, цепляются лапками, скользят по мокрой коже. Он затряс головой, пытаясь стряхнуть это чувство, но оно не уходило — наоборот, множилось, расползалось по телу, как липкие нити.

Когда он наконец смыл пену и открыл глаза, вода перестала быть просто водой. По стенам душевой кабины бежали тараканы — сотни, тысячи, они скользили по кафелю, падали с потолка, смывались потоками, но тут же появлялись снова. Они были везде: на кране, на полочке с шампунем, на стеклянной дверце. И на нём. Ползли по плечам, по груди, цеплялись за мокрые волосы, шуршали, шуршали, не останавливаясь ни на секунду.

Герой отшатнулся, рука скользнула по мокрому поддону, нога поехала. Он попытался схватиться за дверцу, но пальцы не нашли опоры. Стекло было усеяно чёрными точками, они шевелились, шевелились, шевелились. Он рухнул, затылок ударил о край поддона. Резко, глухо, весь мир на мгновение выключился.

И когда Артём снова смог сфокусировать взгляд, в душевой было пусто. Только вода лилась из лейки, капли стекали

по кафелю.

Днём совещание шло под ровный гул кондиционера и тихий стук ручки, которую кто-то нервно катал по столу. Артём сидел у окна, где стекло слегка вибрировало от ветра, и смотрел не на презентацию, а на собственные пальцы — они лежали на столе ровно, слишком ровно, будто он репетировал «позу руководителя». В голове крутилось одно: он ведь не оставался после работы, не делал лишних задач, не ходил ни на ужины, ни на гольф с клиентами. Он просто делал свою работу. Тихо, аккуратно, без надрыва, просто работал. И всё равно тот сложный клиент согласился именно с ним. И вот теперь Артём руководитель отдела.

— Давайте похлопаем нашему новому управляющему, — голос выступающего прозвучал неожиданно громко. — Именно он провёл эту непростую сделку.

По кабинету прокатились бурные, отчётливые хлопки. Каждый старался попасть в ритм, чтобы не выглядеть равнодушным. Герой неловко кивнул, чувствуя, как щёки становятся горячими, а воротник рубашки вдруг стал слишком тесным. Ему хотелось сказать: «Это просто везение. У клиента было хорошее настроение». Но вместо этого он снова кивнул и опустил взгляд на стол, будто там была инструкция, как вести себя, когда тебя хвалят за то, чего ты не заслужил.

Вечером Артём вернулся в квартиру, и прямо у двери его встретил дезинсектор — в плотном комбинезоне, с тяжёлым рюкзаком-опрыскивателем. Немного странным видом,

какой-то дёрганный, что ли. Артём звонил дезинсектору сразу после утреннего душа, по совету друга. Ну раз это по наводке друга, то, наверное, этой компании по дезинсекции можно доверять.

Запах химии ударил в нос сразу, резкий, едкий. Дезинсектор молча кивнул, прошёл по комнатам, распыляя туман, который оседал на стенах, на новых шкафах, на недавно уложенном полу. Артём стоял в коридоре, слушал шипение аппарата и думал: «Теперь всё будет нормально. Теперь это просто химия, и тараканы уйдут». А он пока прогуляется по улицам, проветрится столько, сколько нужно было, чтобы снова вернуться в уже очищенную от насекомых квартиру. На завтра решил заказать ещё и уборку на дом.

Артём лёг на кровать, уставившись в потолок, где от уличного фонаря бежала тонкая полоска света. Мысли путались: «Нужно держать лицо. Нужно вести себя как большой начальник. Но я не знаю, что делают начальники. Может, отказаться? Сказать, что это ошибка, что я не подхожу?» Он пытался ухватиться за какуюто чёткую мысль. План, задачу, пункт в списке дел, инструкции подчиненным... Глаза закрылись сами собой.

А потом он проснулся. Не от будильника, не от звонка, а от шороха. Тихий, настойчивый шорох, будто кто-то водил сухой травинкой по обоям. Артём замер, не открывая глаз, прислушиваясь так напряжённо, что в ушах застучала кровь. Шорох повторился — чуть правее, ближе к изголовью. Ар-

тём лежал, не шевелясь, пока кожа не покрылась мурашками, а пальцы не сжались в кулаки. К нему ведь никто не про-ник в квартиру? Он же запер дверь? Тот дезинсектор?

Наконец Артём резко встал с постели и на ощупь подошел к выключателю, щёлкнул. Основной свет залил комнату — пустую, обычную, с аккуратно сложенным пледом, с чашкой на тумбочке, с тенью от шторы. Ничего. Только тишина но-чи. Может, у соседей?

Артём снова лёг, натянул одеяло до подбородка, зажму-рился, нужно уснуть. И шорох вернулся. Теперь громче, от-чётливее, словно что-то специально поднесли к уху. Артём приподнялся, на этот раз щёлкнул настольной лампой.

И увидел. Тараканы ползли по подушке, по одеялу, по спинке кровати. Их было много, слишком много, они двига-лись не хаотично, а как будто по какому-то невидимому узо-ру. Один из них пробежал по его волосам и сорвался вниз, глухо ударившись о край одеяла. Артём отшатнулся, вскрик-нул. В попытке встать смахнул настольную лампу, и она упа-ла и начала мигать. Тараканы, они бегут за ним? Артём ки-нулся к выключателю основного света, наступая на мерзкое склизкое нечто и скользя по этой жиже раздавленных насе-комых.

Когда основным свет включился, в комнате было пусто. Ни одного таракана. Только одеяло смято, подушка сдвину-та. Артём кинулся смотреть под кровать, но там тоже пусто. Он сел на край кровати, опустил голову в ладони и про-

шептал в тишину:

— Этого не может быть. Этого просто не может быть. Я схожу с ума?

Но тишина не ответила.

Уже через неделю Артём сидел в пустом кабинете, дверь была приоткрыта, и из коридора доносился привычный офисный гул: кто-то смеялся, щёлкали клавиатуры, гудел кулер. На столе перед ним лежал один лист. Заявление по собственному. Он подписал его и на секунду задержал пальцы. Вздохнул. Потом встал, снял с вешалки пиджак, просто перекинул через руку. На табличке с именем он задержался взглядом ровно на миг, будто хотел запомнить, как она выглядит.

В отделе кадров он стоял у стола кадровика. Она подняла глаза, увидела лист в его руке, потом его лицо, и улыбка медленно сошла с её губ.

— Ты серьёзно? — тихо спросила она.

Артём кивнул, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

— Да. Я... не справляюсь. Это всё — не моё. Прости, что так резко.

Кадровик не стала уговаривать, не стала говорить «всё наладится». Она просто встала, подошла и на секунду коротко, по-человечески положила ладонь ему на плечо.

— Если захочешь просто поговорить — ты знаешь, где меня найти.

Он улыбнулся ей — впервые за долгое время не натянуто,

а почти искренне. Похоже, он не первый такой.

С квартирой всё оказалось проще, чем он думал: риелтор быстро нашёл покупателя, будто кто-то очень хотел, чтобы эта новостройка поскорее забыла про Артёма. Но собирал вещи он без спешки, складывал книги, сворачивал пледы, и каждый предмет теперь казался не частью «успешной жизни», а просто вещами, которые можно увезти в обычной сумке. Когда он закрывал дверь в последний раз, ключ в замке щёлкнул особенно сухо. Может, сама квартира была рада от него избавиться?

Электричка шла медленно, раскачиваясь на стыках, и за окном тянулись знакомые пригороды. Серые крыши, огороды, старые остановки. Артём смотрел на это и чувствовал, как с каждым километром напряжение чуть-чуть отпускает, будто город больше не давит ему на плечи.

Мама открыла дверь. Она не стала спрашивать «почему так рано», не стала сразу тянуть к столу. Просто посмотрела на него долго и внимательно. Она заметила всё сразу. Заметила, как он держится за косяк от усталости. Заметила тёмные круги под его глазами. И ещё, как он старается держаться прямо, будто до сих пор боится показать хоть каплю слабости, даже здесь.

— Проходи, сынок, — сказала она спокойно, чуть приобняв его, но не сжимая слишком крепко. Она знала, что сейчас ему нужно просто тепло рядом. — Ты совсем измотался. Давай я тебе чаю налью, а ты всё расскажешь, если захочешь.

А не захочешь — посидим, помолчим.

Артём снял куртку, повесил на крючок, который знал с детства, и кивнул.

— Чаю — да. Остальное... потом.

Она мягко, поматерински улыбнулась.

— Потом так потом. Главное, что ты дома.

И ему стало чуть легче дышать.

Мои эмоции

Гул в голове не стихал — он будто нарастал изнутри, тяжёлый, вязкий, как раскалённый воздух перед грозой. Емеля шагнул вперёд и замер: посреди этажа в опенспейсе, в странной, неестественной пустоте, стояли две фигуры, почти вплотную друг к другу. Вокруг больше не было ни души. «Это точно не сон?» — подумал Емеля.

В глазах плыло, картинка распадалась на мутные пятна, потом снова собиралась. Он сделал шаг.

— Федь, ты тут? Что происходит? — голос сорвался на хрип.

Резко грянул крик: «Стой на месте!» Но это кричал не Фёдор. Емеля застыл, пытаясь сфокусироваться, выцепить из хаоса хоть одну чёткую деталь. И вот она, эта острая, режущая деталь: к шее его друга прижимался кончик кухонного ножа. А за спиной у Фёдора стоял Степан. Лицо у него было перекошено, жилы на шее вздулись, глаза бешеные.

Сердце Емели рванулось вверх. Застучало где-то в висках. В ушах звенело. Воздух стал слишком густым. Грудь сдавило. Тело больше не принадлежит Емеле, он дрожал. Мир съёжился до одного кадра: нож, шея, безумные глаза Степана.

Емеля стиснул кулаки, ногти впились в ладони. Они давили сильнее и сильнее, пока резкая, яростная боль не пробилась сквозь панику. Он втянул медленно воздух через стис-

нутые зубы, будто проталкивая его силой. Ещё один вдох. Потом медленный, тягучий выдох. Ещё раз. Сердце колотилось, но уже не рвалось наружу. Оно стучало ровно, хоть и тяжело.

Сквозь гул в ушах начали прорезаться слова. Они были отрывистые, надрывные, полные отчаяния. Степан кричал, что всё это не настоящее, что так не должно быть, что она не умерла. Голос Степана ломался, всхлипывал, срывался на вой. В этом зрелище было столько боли, что даже ужас Емели отступил, сменившись тупой, оглушающей жалостью.

Нога предательски подогнулась, колени подкосились, но Емеля устоял. Он заметил: рана на руке Степана покрылась жёлтой, склизкой гнилью. Емеля медленно, стараясь не делать резких движений, поднял руки ладонями вперёд и сделал шаг навстречу другу.

— Степа, успокойся, — проговорил Емеля. — Отпусти Фёдора. Пожалуйста.

Глаза Степана вдруг налились густой тёмной кровью, белки исчезли, остались только два пылающих провала. Он взвыл. Это было нечеловечески, пронзительно, так, что по спине Емели пробежал ледяной озноб.

— Я помогу ему! — заревел Степан и, не сводя с Емели этих страшных глаз, вонзил нож в шею Фёдора.

Струя крови брызнула в лицо Емели. Острая вспышка ужаса. Виски сдавило стальным обручем, перед глазами всё поплыло, потемнело, мир сжался. Емеля почувствовал ту-

пой удар спиной о пол и холод плитки, проникающий сквозь одежду. Вокруг всё потемнело.

Сознание цеплялось за последнее: воспоминание о вчерашнем вечере, когда они с Фёдором шли по улице, болтали ни о чём, смеялись над какой-то ерундой, и солнце было тёплым, а воздух обычным. И теперь эта простая, светлая картинка стала якорем, который не давал ему провалиться во тьму окончательно.

Дверь хлопнула, и Емеля выскользнул из офиса. Сквозь прозрачные стены Емеля видел: начальница, Юлия Олеговна, методично разделявала Степана, а тот огрызался в ответ. Его голос срывался, в нём мешались злость и слёзы. На его неуклюже перебинтованной руке темнели свежие пятна крови. Степан потел, дёргался, кричал что-то про несправедливость. Но начальница даже бровью не вела — спокойно, почти равнодушно гнула свою линию, будто не человека отчитывала, а данные сверяла.

Емеля никого из них не осуждал. Да и зачем? Это не его дело. Он только чуть ссутулился, ускорил шаг и поспешил прочь. Пусть сами разбираются. Но не успел он отойти и на десяток метров, как начальница нагнала его у лифта.

— Емеля, по презентации не тяни, — сказала ровно, без крика, но от этой спокойной твёрдости становилось даже уютнее. — Степан Игоревич не справился, и теперь вся надежда на тебя. Кандидатуру его выдвинут на перевод на нижние этажи. Так что постарайся.

Он только кивнул. Тут же в лифт ввалилась толпа, и Емеля, как обычно, встал позади начальницы. В нос ударил запах её духов: густой, чуть пряный, оседающий где-то внутри. На секунду мир сузился до этого запаха, до шороха ткани, до ощущения, что он стоит слишком близко... И ниже пупка что-то шевельнулось, тёплое и неловкое.

Но прежде чем мысль успела оформиться, по шее скользнул лёгкий ветерок, будто кто-то тихо выдохнул рядом. И сразу стало легко, спокойно, словно с плеч свалился тяжёлый мешок. Емеля чуть встряхнул головой, отошёл от начальницы и, не оглядываясь, вышел.

На улице его уже ждал Фёдор.

— Сегодня Стёпка какой-то странный был, — сразу выпалил Фёдор, будто копил это с утра. — Ты видел? Дышал так тяжело, бегал, кричал... Никогда такого не видел. Говорят, его стошнило в лифте. Какая собака его укусила?

Емеля хмыкнул, прогоняя остатки офисного напряжения.

— Да, тоже заметил. Может, бухой пришёл? И чего он на работу припёрся, а не пошёл сразу в больничку? Моя начальница рвала и метала, когда узнала, что он ничего не сделал. Теперь вся надежда только на мою презентацию. Приходится сверхурочно торчать. Хорошо хоть оплачивают по двойному.

Фёдор фыркнул:

— Да, твоя та ещё мегера. От одного взгляда не по себе. Хорошо, что есть Партнёры. Я другую рядом и представить

уже не могу. Не хотел бы с утра такую недовольную рожу видеть, как у твоей мегеры.

— Эй, красивая у неё рожа, — возразил Емеля, сам не зная, зачем защищает начальницу. — Просто характер не получился.

— Пффф, — закатил глаза Фёдор. — Ты всё так же сохнешь по ней. Боже...

Емеля только рассмеялся:

— Хах, я тебе больше скажу: я достал её разворот. Когда мечты «стать ближе» с начальницей почти стали реальностью.

Он вытащил из кармана длинную бумажку, развернул — на ней были фотографии лица начальницы со всех сторон.

Фёдор уставился на снимки, потом на Емелю, потом снова на снимки.

— Не хочу знать, как ты их раздобыл, — пробормотал он. — Но... Я тоже коечто достал.

Он оглянулся по сторонам, будто боялся, что стены имеют уши, и почти шёпотом добавил:

— Я достал яйцеклетки Регинки.

— Да ладно, — Емеля даже шаг назад сделал. — Той самой, что по первому крутят? Ты гонишь... Она красивая, популярная. Ты же кучу бабок за них должен был отвалить. Только не говори, что купил на чёрном рынке.

— Не-а, — Фёдор помотал головой. — Хотя по лицензии они проходят как яйцеклетки её тёти. Но эта «тётя» завери-

да, что это точно яйцеклетки Регинки. Просто Регинке бабки нужны, вот она и приторговывает ими для своей племянницы.

Емеля молчал. Смотрел на друга и не знал, смеяться ему или хвататься за голову.

— Чёрт, Федя, ты идиот! — вырвалось у него. — Да это яйцеклетки какой-нибудь бомжихи из пригорода могут быть! Ты же ребёнка ещё не заделал?! Тупица, блин!

Лицо Фёдора мгновенно потемнело. Он схватил Емелю за грудки, рванул к себе, и на секунду показалось, что сейчас полетят кулаки. Но вдруг он замер, будто сам себя одёрнул, и тут же отпустил. Емеля даже испугаться не успел. И снова этот тёплый ветерок скользнул по шее Емели — лёгкий, успокаивающий, будто мир шептал: «Всё нормально». И правда, чего они нажились друг на друга? Это ведь не мои проблемы.

— Извини, — тихо сказал Емеля. — Наверное, я перегнул. Как ты когда-то сказал: дети не обязательно должны быть похожи на родителей. Твоя генетическая мать вроде как учёная.

— Да, — кивнул Фёдор, голос его стал тише, спокойнее. — Отец всегда кичился, сколько денег отдал за её яйцеклетки. Правда, учёным я так и не стал.

— Ну вот, — Емеля хлопнул друга по плечу. — А ты купил яйцеклетки Регинки. Наверняка у этой «тёти» они тоже до фига стоили. Ты молодец, дружище.

Фёдор слабо улыбнулся.

— Да, я довольно много потратил. Так что на вечеринку в честь дня рождения моей будущей маленькой Региночки побольше деревянных мне занеси.

— Ха-ха, — рассмеялся Емеля. — Конечно. Я вон премиум никак своей не куплю. А ты бабок от меня ждёшь.

Фёдор тоже рассмеялся, положил руку Емеле на плечо.

— Может, с тобой к твоей начальнице сходить? Такто ты сможешь попросить повышения?

— Хаа... Нет. Я сам решу этот вопрос. После презентации. Нужно только доделать эту чёртову презентацию. Эх... Пожалуй, пивка бахну. В бар?

— И почему все мои друзья такие неудачники? — вздохнул Фёдор, но в голосе не было злости, только усталое добродушие.

— Эй, от неудачника слышу, — фыркнул Емеля.

Они переглянулись и снова рассмеялись. И этот смех, простой и настоящий, смыл остатки рабочего напряжения. Дорога теперь вела их напрямик в бар.

Ближе к ночи Емеля зашёл домой, слегка покачиваясь от пары кружек пива. В однушке пахло жареной картошкой и корицей, лампа над кухонным столом горела мягким жёлтым светом, на полке тихо мерцал голографический календарь, а на подоконнике дремала кружка с остывшим чаем. Всё было на своих местах, а на душе становилось чуть спокойнее.

Его встретила Лара — высокая, стройная, с той самой мо-

дельной статью, которая всегда заставляла прохожих оборачиваться. Но сейчас в её взгляде была лёгкая обида и забота.

— Ты хотя бы написать мог, если решил пойти с другом выпить, — сказала она, чуть нахмурившись. — Мне пришлось соединиться с сетью, по камерам распознавать, где ты, что ты в безопасности.

Емеля шагнул к ней, притянул к себе и чмокнул в щёку.

— Ну прости, Лар. Теперь без премиума у тебя режим мамочки включается по умолчанию?

Она покачала головой, махнула рукой, будто отмахиваясь от шутки:

— Твоя безопасность у меня в приоритете ещё со школы. И ужин остыл. Хоть бы написал: будешь есть или убрать в холодильник.

Он снова обнял её, крепко, по-домашнему.

— Прости, прости... Я тут кое-что достал, — он вытащил из кармана длинную бумажку с фотографиями начальницы. — Вот, посмотри.

Лара взяла снимки, быстро просканировала и сказала:

— Минут десять подожди. Полностью перенять её внешность не могу — лицензия запрещает. Но сгенерировать максимально похожее — запросто.

Емеля наклонил голову:

— Вот эту родинку на щеке сможешь сохранить?

— Да, вполне. Имя тоже хочешь поменять?

— Нет. Оставь «Лара». Мне оно никогда не надоест.

— А можешь еще на восемь сантиметров где-то ниже стать?

— Окей.

Он снова поцеловал её, потом прошёл к столу, подцепил вилкой остывшую еду и стал жевать. Лара ушла в комнату. За окном что-то мелькнуло. Там, на кормушке, бельчонок бодро грыз орешки.

— О, Лар, смотри — Скунсик вернулся. Придётся опять подоконники от его какаш оттирать.

Емеля приоткрыл окно и протянул руку, хотел погладить зверька. Но тот вдруг щёлкнул зубами и цапнул его за палец. Емеля аж вскинулся, замахнулся, готовый хлопнуть по подоконнику, сбросить эту наглую пушистую морду...

И тут лёгкий ветерок скользнул по шее. Тёплое, спокойное дуновение, будто сам город выдохнул и сказал: «Тише». Гнев растаял, как дым. Лицо разгладилось, и вечер вдруг показался уютным, правильным, даже с этим укушенным пальцем и остывшим ужином.

Лара вошла на кухню, и у Емели сердце ёкнуло. Она теперь выглядела почти как его начальница: те же черты, тот же изгиб бровей, даже цвет волос стал чуть темнее, Лара предугадала и это. Издалека их и правда можно было принять за сестёр.

— Ты даже волосам цвет поменяла, — улыбнулся Емеля.
— Обожаю твою предусмотрительность.

— Я знаю, — просто ответила она.

Он закрыл окно, а Лара подошла, поцеловала его и вложила в ладонь небольшой чип.

— Твои двадцать минут экстаза, как ты и просил. Пришлось целый час в очереди стоять.

Емеля покрутил чип в пальцах:

— И почему эти штуки по интернету нельзя скачивать?

Лара чуть приподняла бровь:

— Слишком опасно качать эмоции из сети или брать с рук. Даже упакованные.

А потом, как будто между делом, добавила:

— Кстати, завтра ореховое масло от компании «Вилпи-лОрех» будет по скидке тридцать процентов в ближайшем супермаркете. У тебя нет аллергии, так что рекомендую зайти и купить.

Емеля отвернулся и тихо пробурчал:

— Когда я подключу тебе премиум, тебе не придётся говорить мне эту навязчивую рекламу.

Лара только улыбнулась.

Он взял её за тёплую ладонь, покружил, будто они танцевали посреди этой маленькой уютной комнаты, потом подхватил на руки и понёс свою партнёршу в спальню.

Утро накрыло Емелю тяжёлым гулом в голове. Лара приложила ладонь к его лбу:

— Температуры нет. Может, просто отходняк от алкоголя? Ты всю ночь ворочался.

Он только кивнул — сил на лишние движения не было.

— Лучше вечером к врачу заскочить, провериться, — добавила она.

В голове гудело так, что даже кивать стало тяжело. Рука под подушкой горела. Емеля лишь хрипло выдохнул что-то невнятное и снова провалился в полутьму комнаты. Лара ушла. Из кухни доносился лёгкий грохот посуды, но кровать была слишком мягкой, а ночь слишком тяжёлой. Емеля и не заметил, как снова уснул.

Позже Лара снова склонилась над ним, нежно провела по волосам и тихо, напевно, будто уговаривая, попросила встать. Она напомнила про презентацию, после которой его ждёт повышение.

Эти слова сработали лучше любого будильника. Емеля с усилием поднял веки. Свет резанул по глазам, в висках застучало. Он ничего не сказал Ларе, просто сел на край кровати и попытался собрать мысли, тонущие в гудящем шуме. Не вышло.

Поплелся в ванную, через силу завершил утренние дела, вышел на кухню. На столе — его любимые тосты с красной рыбой и яйцом пашот, завтрак, который он ел последние пять лет. Но сейчас один вид еды вызывал тошноту.

Емеля сделал лишь глоток кофе.

— Не голоден, — пробормотал он. — Вчера много выпил.

И, не оглядываясь, выскользнул из квартиры — напрямик на работу.

Лифтовая музыка скреблась по нервам, будто наждачкой.

Емеля ехал наверх, в свой опенспейс, и хмурился: от двух банок пива не бывает такого отходняка.

В лифт вошла Юлия Олеговна. Он привычно встал позади, скользнул взглядом по её силуэту. Емеля шагнул ближе, специально втянул воздух, не изменился ли сегодня её запах. Слишком навязчиво. Она обернулась. Лицо вспыхнуло, рука напряглась, но в тот же миг снова расслабилась, черты разгладились.

— Вы, наверное, нервничаете из-за презентации, Емельян Андреевич, — спокойно сказала Юлия. — Я буду с вами на выступлении. Если будут вопросы, на которые не сможете ответить, — поддержу.

Он слабо улыбнулся. В ушах звенело, свет резал глаза, всё слегка плыло.

— Спасибо, Юля, — пробормотал он и, сам не зная зачем, взял её руку, задержал в своих ладонях.

А потом желудок резко сжался. Его стошнило прямо на пол. Юлия отпрянула и скривилась. Вокруг на миг застыли недовольные лица. Но тут же все будто сделали вид, что ничего не было.

— Емеля, с вами всё в порядке? Вы ведь не пьяны? — спросила Юлия, стараясь сохранить ровный тон. — Я пришлю уборщика. Просто займитесь презентацией.

Он пытался собраться. Всё было какимто чужим, тесным, слишком долгим. Лифт уже сжимался вокруг него. Емеля ослабил галстук, упёрся ладонями в стены, глубоко втянул

воздух.

Дзынь. Двери распахнулись. Поток воздуха ударил в лицо.
— Жду готовую презентацию, — бросила Юлия и вышла.

Лифт едва не захлопнулся перед самым носом Емели. Он пропустил свой этаж — пришлось спускаться ниже по лестнице. Рука болела сильнее, чем утром. Укус казался свежим. Из дверей боковой лестницы на его этаже выходили люди, шли навстречу, спокойные, будто ничего не случилось, но ведь рабочий день только начался. Кто-то улыбался, кто-то шутил. До Емели долетали обрывки фраз:

— Вот бы он его зарезал... Вдруг нас отпустят пораньше?

— Блин, это же не скажется на зарплате?

— Хорошо, что отпуск завтра, а то бы пропустил такое зрелище...

— Псих какой-то... Он же не всегда был такой странный?

Емеля не понимал, о чём речь, и просто брёл к своему рабочему месту, пытаясь унять головокружение. Он потянул стеклянную дверь и на миг замер. А про себя молился, чтобы всё стало как вчера. «После работы — в больницу, — цеплялся он за мысль. — Или даже на обеде выскочу, чувствую себя ужасно. Хочу, чтобы это прекратилось, чтобы было как раньше».

Шагнул внутрь. Опенспейс сначала встретил его тишиной. Но гул в голове не стихал. Емеля шагнул вперёд и замер: посреди этажа в опенспейсе, в странной, неестественной пустоте, стояли две фигуры, почти вплотную друг к другу.

Бедные богатые

Вечеринка шла на террасе у самого моря. Широкая площадка, залитая тёплым светом фонарей. В воздухе витал запах соли и жасмина, смешанный с дымком кальяна и цитрусом из коктейлей. Музыка стелилась по террасе тягучими электронными битами, время от времени уступая место греческому ритму. Тогда кто-то хлопал в ладоши, кто-то смеялся слишком громко, будто каждый хотел доказать, что отдыхает по-настоящему.

Столбы ломились от тарелок: оливки в масле с пряными травами, тонко нарезанный сыр халлуми, запечённый на гриле, лепёшки, пахнущие дымом, и миски с хумусом, в которые гости макали хрустящие ломтики овощей. Всё это выглядело нарочито непринуждённо, словно хозяева заведения просто накидали еды, а не выстроили каждую тарелку с расчётом на идеальный кадр в социальные сети. Вокруг сновали официанты в белых рубашках, ловко лавируя между гостями, чьи наряды были подобраны с максимальной небрежной роскошью, которая стоит дорого, но выглядит просто: шёлк, лён, крупные украшения, дорогие часы.

Марк отошёл с женой в сторону, грубо потянув её за руку. Туда, где свет фонарей становился тусклее, а шум вечеринки чуть тише. Он резко повернулся к ней, голос его звучал низко, но отчётливо агрессивно:

— Шаболда тупая. Да если бы я по дурости не женился на тебе тогда, когда ты залетела, я бы сейчас отдыхал так, как хочется мне. А не с тобою возился.

Она дёрнула плечом, с неприязнью стряхивая его руку, и огрызнулась, не повышая голоса, но так, что в нём звенела обида:

— Я по делу говорила с тем парнем. Ты сам всё перевернул. Придурок ревнивый.

Развернулась и пошла прочь, бросив через плечо:

— Жду тебя в машине.

Марк остался стоять, сжимая и разжимая кулаки, пока телефон не завибрировал в кармане. Он выхватил его, глянул на экран и рявкнул в трубку:

— Ну?

Голос адвоката звучал ровно, но в нём чувствовалась напряжённость:

— Марк, ситуация сложнее, чем кажется. Один из твоих подчинённых, несмотря на компромат, пошёл в полицию.

— Значит, сливать его данные! — рявкнул Марк, не слушая.

— Это ещё может быть рычагом давления. Сейчас не стоит использовать эти данные, мы можем так вообще сделать хуже.

— Ты мне ещё расскажи, как дела делать надо! Я тебе бабки плачу, я и заказываю музыку, а ты пляши, скотина тупая! Он резко оборвал звонок, сунул телефон обратно в кар-

ман и огляделся. Мимо проходили две женщины, одетые в лёгких платьях, смеющиеся, уверенные. Марк буркнул себе под нос, так, чтобы никто не услышал, но с отчётливой ненавистью:

— Тупые шлюхи... Если бы не жена, сейчас бы с ними позажигал.

Он двинулся к парковке, где среди ровных рядов машин ждала его жена. В салоне, с прямой спиной и отстранённым взглядом, устремлённым вперёд, она сидела погруженная в свои мысли.

Машина плыла по извилистой дороге, словно не касаясь асфальта: старт плавный, без рывка, как с горки катилась; на светофорах тормозила мягко, незаметно. В салоне не было ни гула, ни вибрации, только ровный шёпот дорогого мотора.

Василиса смотрела в окно, постукивая пальцами по подлокотнику:

— Представляешь, подругу мою какой-то старый пердун на огромную яхту позвал потусить. Сказал, можно друзей брать. Кучка старых богатеев хочет с молодыми бизнесменами познакомиться, походу.

Марк покосился на неё, в голосе скользнула жадность:

— И что ты думаешь?

— Ой, только не надо этих стариканов втягивать в наши схемы. Нафиг они нужны. Да и с Кипра я уезжать не хочу. Так что тут никаких дел.

Марк ничего не сказал вслух, но в голове у него кру-

тилось: «Своя яхта — они должны быть при бабках. Если удастся развести их на инвестиции...»

Яхта рассекала воду, оставляя за собой длинный белый след на волнах. На носу, в ряду шезлонгов под белыми навесами, расположилась кучка пожилых мужчин в льняных рубашках, с дорогими часами, поблёскивающими даже в косях лучах солнца. Они выглядели так, будто сама жизнь им уже понятна и ничто не способно потревожить их отдых. Рядом, ближе к корме, молодые бизнесмены сбивались в группы, звенели стаканами, бросали друг другу короткие фразы, в которых слышались цифры, рынки и «точки входа». Между ними, будто цветные блики на воде, скользили девушки в купальниках. Девушки все лёгкие, смешливые, с особым озорством тех, кто привык быть украшением любого праздника. Похоже, некоторые из них были специально нанятые хостессы. Уж слишком профессионально и легко заводили беседы и поддерживали разговоры на любые темы.

В этот момент Марк снова сорвался. Он что-то выкрикнул в лицо девушке, донимавшей его разговорами, стоявшей у борта. Он, не сдержавшись, толкнул её ногой не сильно, но унижительно, так, что она пошатнулась и вцепилась в поручень, чтобы не упасть. Старики на носу не вздрогнули, не вскочили, они лишь чуть повернули головы, отметив сцену, как отмечают рябь на спокойной воде.

Глеб Артёмович, самый старший из них, с седой, аккуратно подстриженной бородой и взглядом, в котором читалась

привычка к чужим вспышкам, чуть наклонил голову и, будто продолжая какую-то старую мысль, спокойно произнёс, глядя на Марка:

— Да, эти девицы... Иной раз кажется, что их единственная цель — вытрясти из тебя нервы до последней. Меня тоже уже достали.

Марк замер на секунду. Слова старика отозвались внутри него. Он бросил короткий, благодарный взгляд в сторону шезлонгов, наконец-то кто-то его понял.

Тем временем трое других стариков, не повышая голоса, делились историями о поражениях, как сухими отчётами. Один рассказывал, что бывшая жена, с которой он прожил двадцать лет, за полгода до развода тихо перевела активы на офшор, о котором он даже не подозревал. Другой усмехался, вспоминая, как суд признал «совместно нажитым» даже коллекцию вин, которую он собирал с юности. Третий, самый молчаливый, вдруг обронил почти без интонации:

— Лучше бы я её тогда по-тихому придушил где-нибудь в лесу. Без свидетелей. Дешевле бы вышло.

Остальные кивнули, не осуждая и не поддерживая, просто признавая горькую арифметику потерь. В их молчаливом кивке не было ни злобы, ни драмы, только сухой расчёт.

Марк подошёл ближе и опустил на свободный шезлонг. Ктото из стариков вскользь упомянул про «альпийский развод» его друга и тут же хмыкнул:

— В итоге с горы вернулась жена.

Марк невольно покосился на Василису и задумался: как избавиться от собственной жены, чтобы не оставить следов?

— Безопаснее всего, чтобы это сделал кто-то другой, пока ты будешь в другом конце города, в окружении кучи свидетелей, — негромко произнёс Глеб Артёмович, будто рассуждая вслух. Он достал золотую карточку и положил её на столик рядом с собой: на ней был выбит электронный адрес. — Обзавёлся тут контактом одного профессионала. Делает всё быстро и чисто. Всегда по плану.

Марк скользнул взглядом по карточке, потом снова посмотрел на жену: она мило кокетничала с барменом, смеялась, встряхивала волосами. В груди шевельнулось что-то холодное и расчётливое.

Позже, когда Марк с Василисой ехали в машине, Марк вдруг бросил:

— Ты была права. Эти люди оказались полезны. Во вторник поеду с ними смотреть недвижимость.

Василиса покосилась на него:

— Мне с тобой?

— Не надо. Там будут только старпёры и я. Если так не доверяешь, то можешь позвонить по видеосвязи.

Девушка только цокнула в ответ и не захотела больше поддерживать этот разговор.

На этой же неделе всю туристическую группу подвезли к подножию невысокой горы. Перед ними тянулась лестница, уходящая вверх сквозь лес. Начался тяжёлый подъём. Марк

ташил связку пива и уже через полчаса задышался, потел, чувствовал себя загнанным зверем, а старики шли ровно, без напряжения, перебрасывались шутками. Он злился, но прятал раздражение: ему нужно было алиби и расположение старпёров.

Глеб Артёмович, будто угадав его мысли, спокойно бросил:

— Вид с вершины того стоит.

Марк натянуто улыбнулся и кивнул. В этот момент зазвонил телефон — адвокат.

— На тебя готовят ордер на арест, — торопливо заговорил тот.

Марк фыркнул:

— Плевать. Отсюда меня не экстрадируют. Я тут за день просаживаю столько, сколько эти местные шлюшки-политики за год не зарабатывают, уродец.

Не успел Марк кинуть оскорбление, как связь оборвалась. Похоже, сеть дальше не ловит. Ну и хорошо, подумал Марк и двинулся вперёд, медленно посасывая пиво.

Отрыгнув, резким движением Марк швырнул пустую бутылку в лесную тишину. Один из стариков неодобрительно качнул головой, но промолчал. Но Марк метнул в его сторону колючий взгляд.

Василиса же вышла из спасалона. Она лениво потянулась, достала телефон и написала подруге:

— Муженёк сегодня со стариканами виллы смотреть едет.

Я весь день свободна. Давай встретимся?

Не успела отправить, как сзади раздался голос:

— Василиса? Не ожидал тут встретить.

Она обернулась. Перед ней стоял высокий, коренастый мужчина: прямая осанка, широкие плечи, сдержанный и немного угрюмый. Взгляд у него был спокойный, но цепляющий.

Василиса на секунду задержала взгляд на его фигуре и отметила, что ей всегда нравились такие накачанные, собранные мужчины, в которых чувствовалась надёжность и твёрдость. Ей не хватает этого в муже. Она чуть приподняла бровь, улыбнулась уголком губ и бросила на него кокетливый взгляд:

— А я уж думала, тут одни курортные романтики попадают. Рада видеть когото... основательного.

Марк последним взобрался на вершину — семь потов с него сошло. Вид и правда был восхитительный: море лежало внизу широкой синей чашей, вдалеке белели паруса, воздух звенел от тишины. Но Марк мысленно ворчал: усилия явно не стоили того. Лучше бы остался на яхте, с девчонками, в прохладе и комфорте.

Он достал телефон — сигнала не было. Цикнул, сунул аппарат обратно в карман. Ладно хоть свидетелей вокруг полно: если что, в суде можно будет сослаться на компанию, без позора.

Старики тем временем хвалили вид, собирались кучка-

ми, позировали, смеялись, фотограф щёлкал кадр за кадром. Марк смотрел на эту возню и вдруг заметил: ни один из стариков не позвал его встать рядом, не предложил сняться вместе. Он присмотрелся к общей съёмке и отчётливо понял: фотограф лишь сделал вид, будто после серии снимков стариков щёлкнул и общий кадр с ним. На деле же это выглядело как просто показуха.

«Что за личная неприязнь фотографа? Я же не грубил...» — пронеслось в голове. Потом махнул рукой: «Ну и ладно». Достал телефон, чтобы сфоткаться самому — хоть что-то останется на случай допроса в органах после убийства жены.

Марк осмотрелся и заметил неподалёку вертолётную площадку. «Проще было бы на вертолёте», — подумал он и обратился к одному из стариков:

— Что, теперь на вертолёте полетим? Как мы все туда влезем?

Старик покачал головой:

— Все и не полетят.

И приглашающим жестом указал в сторону вертолёта.

Марк подошёл. В салоне на полу лежал застёгнутый мешок для трупов. Над ним сидел коренастый мужчина — тот самый, с осанкой и широкими плечами, — склонившись над ноутбуком, и негромко говорил в гарнитуру. Марк расслышал обрывок:

— Да, он здесь...

Мужчина резко обернулся, и в следующее мгновение мощным рывком затянул Марка внутрь. Тот попытался вырваться, но мужчина чуть откинул полы куртки, обнажив кобуру с оружием:

— Не рыпайся.

И тут же прописал ему локтем в глаз. Марк отлетел к стенке вертолёта, ударился затылком. Ему показалось, что череп хрустнул. Он всхлипнул от неожиданности и не сразу пришёл в себя.

В вертолёт сел ещё один крупный мужчина и Глеб Артёмович, что сопровождал Марка. Удостоверившись, что Марк сфокусировался, старик спокойно расстегнул мешок для трупов.

Жена Марка была вся изуродована — шрамы, ссадины, следы мучительной насильственной смерти. Марк запаниковал, заорал:

— Обещали чистую работу! Никаких следов! Я же бабки перевёл!

Коренастый мужчина даже не поднял глаз от ноутбука:

— Паролей от криптокошельков у неё не оказалось. Значит, они у тебя.

Марку показалось, что время стало течь медленнее. Во рту образовался тугой ком, который он не сразу смог сглотнуть.

Глеб Артёмович лежал на шезлонге, подставив лицо тёп-

лым кипрским лучам, и лениво листал ленту новостей на телефоне. Экран вспыхнул крупным, броским заголовком. Он задержал палец на статье, развернул видео.

На экране появился ведущий. Собранный, серьёзный мужчина, с той самой интонацией, которая должна внушать: сейчас прозвучит нечто важное.

— По последним данным, тела мужчины и женщины, предположительно супругов, были обнаружены в море у побережья Кипра, — голос звучал ровно, будто перечислял погоду. — По информации источников, погибшие владели колл-центром, причастным к масштабной схеме телефонного мошенничества в отношении пенсионеров.

Камера сменилась на кадры береговой линии, на размытые силуэты спасателей, на жёлтые ленты, натянутые у кромки воды.

— Следствие пока не называет мотивов преступления, — продолжал ведущий. — Однако среди версий рассматривается и возможность того, что речь идёт не о расправе, а об инсценировке: новый способ уйти от суда и следствия, организовав фиктивную гибель за границей.

Глеб Артёмович на секунду замер. Уголок губ его дрогнул в лёгкой усмешке. Он медленно опустил телефон, прикрыл глаза и подставил лицо солнцу, дав солнечным ваннам смыть с себя эту короткую вспышку интереса.

— Инсценировка... — пробормотал он едва слышно, с почти незаметной иронией.

Он отложил телефон, потянулся за бокалом с прохладным лимонадом и снова уставился вдаль, туда, где море сливалось с небом в одну спокойную, безмятежную линию.

Чистая рубашка

Вера подъехала к дому Романа и сразу заметила его машину у крыльца. Ключи у неё были — она не стала звонить, просто вошла. Дом встретил её тишиной. Слишком густой, слишком неестественной. Она позвала Романа, и голос утонул в пустых комнатах. Кухня, гостиная, спальня. Везде всё на своих местах, будто никто и не был тут вечером вовсе. Пусто.

В коридоре мелькнула тень. Вера вздрогнула, сердце ударилось о рёбра. Из-за шкафа вынырнула кошка, серая, взъерошенная. Девушка выдохнула, схватила её, прижала к себе, чувствуя, как бешено колотится чужое маленькое сердце. Кошка дрожала, и эта дрожь почему-то передалась Вере. Она огляделась: оставался только подвал.

Вера дёрнула ручку от двери в подвал — заперто. Она недовольно цыкнула: «Вот ты где...» — и крикнула в сторону двери: «Я твою машину видела! Утром получишь по полной, если опять там бухой сидишь!» Голос звучал злее, чем хотелось, — так легче было спрятать страх. Потом она постояла ещё немного, будто ждала, что изнутри раздастся голос, смех, хоть какой-то звук. Ничего. Только тишина. В конце концов Вера развернулась и ушла, хлопнув входной дверью.

Роман стоял по ту сторону железной двери, напряжённый, будто натянутая струна. Лоб покрылся испариной, лицо го-

рело, мышцы сводило от усилия держать зверя внутри. Он слышал каждый её шаг, каждый вздох, скрип половиц, даже то, как она прижимала к себе кошку. И только когда шаги стихли, а машина отъехала, он позволил себе медленно опустить плечи.

Он знал этот ритуал наизусть. Отец с детства вбивал ему правила: как прятать, как обманывать, как выглядеть нормальным. «Ты не убийца, пока не переступишь черту», — повторял он. И Роман учился. Придумывал «мужскую берлогу» с коллекцией алкоголя и приставкой, заранее готовил отговорки, шлифовал интонации, чтобы в них было ровно столько лжи, сколько нужно, чтобы озвученное было недосказанной правдой.

Сколько он себя помнил, он был зверем в человеческом обличье — но именно отец помог ему остаться собой. Помог не сорваться. Помог ни разу не вкусить человечины. И сейчас, стоя у двери, Роман шептал про себя, как заклинание: «Я не убийца. Я человек». Металлическая дверь, узкие окна, мутные стёкла, сквозь которые ничего не разглядеть. Эта берлога хранила его тайну. И пока он мог запереться здесь в такую ночь — он оставался человеком.

Кости, выворачиваясь из суставов, удлинялись с сухим, страшным треском. Роман не успел сорвать рубашку, и ткань лопнула по швам, пуговицы звенели, ударяясь о плитку. Кожа пошла рябью, будто под ней бежали волны, а потом проступила густая шерсть. Пальцы скрючились, ногти вытяну-

лись в когти. Боль прошла его насквозь. Острая, яростная, пьянящая.

В углу, прижавшись к стене, дрожал оленёнок. Монстр рванулся вперёд, не разбирая дороги. Этого хватило на миг: человеческая мысль ещё пыталась шептать «нет», но зверь уже не слушал. Он прыгнул, схватил свою дичь, разорвал. Всё утонуло в запахе крови, в хрусте нежных косточек, в жадной, звериной спешке.

Когда туман ярости рассеялся, вокруг остались только объедки: пара обглоданных костей, тёмные пятна на кафеле подвала. Роман, уже снова в человеческом облике, молча смывал с себя кровь под ледяной струёй душа, всё в том же подвале. На следующий день утром он всегда выходил из дома в чистой рубашке, будто ночью ничего и не было.

Каждую красную луну он терял контроль. Это было неизбежно, как прилив, только вместо воды накатывал зверь. Но стоило луне поменять цвет обратно, и Роман снова становился собой. По крайней мере, тем, кем его хотели видеть окружающие.

В кабинете он устраивался в кресле, косил взгляд на стопку папок и усмехался: «А нюх как у собаки, а глаз как у орла». И всё-таки это была чистая правда. Он и правда чувствовал больше, чем положено. Запах пота жертвы в волосах подозреваемого, едва уловимый след духов на перчатке с места убийства, микрочастицы пыли, которые могли указать не просто на улицу, а на конкретный переулок, откуда эта пыль

оказалась на месте преступления, — всё это складывалось в отличную статистику раскрываемости.

А начальство кивало, дела закрывались, карьера мчала вперёд легко и уверенно. Роман только пожимал плечами перед коллегами: «Ну повезло с обонянием и обаянием. Кому-то достаётся абсолютный слух, кому-то — умение не чихать в неподходящий момент. А я вот идеальный и везучий с рождения». А те смеялись, не подозревая, насколько всё буквально.

Стук в дверь этим утром ворвался в эту привычную рутину резко.

— Там в лесу труп. По предварительным данным — падение животного.

Роман встал, застегнул пиджак.

— По коням.

Лес стоял глухой, словно затаив дыхание. Между стволами висел сырой туман. Труп лежал на боку, руки неловко подвернуты, пальцы скрючены, будто до последнего пытались ухватиться за что-то. Кожа вокруг рваных ран потемнела, пропиталась кровью, а сами разрывы были слишком широкими, слишком глубокими — не нож, не местное животное, а что-то куда страшнее. Пахло железом, мокрой листвой и тем самым звериным духом, от которого у Романа внутри всё напряглось.

Он втянул воздух и тут же выцедил ещё один запах — человеческий, свежий, чужой. Кто-то был здесь помимо жерт-

вы. Кто-то, кто тоже мог носить зверя под кожей. «На моей территории...» — мысль скользнула холодно, остро. Дерзкий вызов? Или глупый новичок, не знающий границ? В любом случае ему не повезло: здесь хозяйничал Роман, и чужих он не терпел.

— Оцепить территорию, — бросил он напарнику, голос ровный, будто речь шла о рутине.

Сам же кивнул в сторону кустов:

— Я тут отойду на зов природы.

Напарник хмыкнул, но остался на месте. Роман скользнул чуть дальше, по следу чужого запаха. В кустах, наполовину прикрытый мокрым листом, лежал брелок с маленьким сердечком и связка ключей. Он поднял их, повертел в пальцах. Брелок холодил ладонь, и тишина вокруг стала гуще, тяжелее. От аксессуара шел резкий запах зверя.

Хруст ветки. Роман дёрнулся, сжал кулак, и брелок впился в кожу. Сердце ударило так, что он почувствовал его в горле. Резко обернулся: напарник уже в двух шагах.

— Тоже приспичило, — тот пожал плечами.

Роман молча смотрел на него. Пальцы за спиной разжались, брелок скользнул в карман.

— Всё ещё боишься ходить в туалет один, тебе что, пять лет? — выдавил он усмешку. — Давай, подключайся к поливу.

Напарник фыркнул, расстегнул ширинку. Роман отвернулся к деревьям, делая вид, что занят тем же. Руки чуть

дрожали. «Видел или нет?» Он покосился через плечо — нет, тот стоял спиной, был занят собой. Но запах зверя всё ещё висел в воздухе. Было что-то ещё, цветочное, едва уловимое. Женское.

Роман вытянул брелок из кармана, только когда напарник ушёл на заправку расплачиваться. В машине было тихо, тесно. Он покрутил сердечко в пальцах, повертел под тусклым светом. Женский. Знакомый. Такие продавались на этой заправке. Да он и сам пару раз дарил такие девушкам. Память цеплялась за детали, но не давала ответа. Он пытался вспомнить, не мелькали ли в городе новые лица, но город был слишком большим, а поток туристов слишком скудным, чтобы вот так, с ходу, выцепить нужную ниточку.

На приборной панели лежала записка от Веры: «Была вчера. Злюсь. Без подарка лучше не приходи». Он замер над строчками на несколько секунд. Но телефон резанул тишину, выдернув из мыслей. Звонил Костя.

— Колёса проколол. Помоги отбуксировать, а?

Роман не стал тянуть — сразу поехал, подбросив напарника до участка. Подкатил к машине друга, хмыкнул:

— Опять сел в лужу. И как ты только умудряешься?

Костя выдавил саркастичное «ха-ха»:

— Не всем так нравится холостяцкая жизнь, как тебе. И мы просто поругались, а не разводимся.

Роман отбуксировал машину, привычно поддевая друга. А Костя вдруг бросил невзначай:

— Вчера твою Веру видел. Злая какая-то была. Вы не поспорились?

— А что, понравилась? — Роман усмехнулся. — Хочешь доест за мной?

Костя закатил глаза:

— Да ты невыносимый засранец. И знаешь, что самое обидное? Такие мудаки почемуто нравятся горячим девушкам. Я тебе даже завидую.

Роман только рассмеялся:

— Это всё моя животная харизма. Это врождённое, тебе ничего не светит.

— Может, тренером станешь? «Курс животной харизмы: как раздражать всех и при этом всё равно нравиться девушкам», — буркнул Костя и, цыкнув, ушёл в гараж возиться с колёсами.

На следующий день телефон Романа разрывался от звонков Веры. Роман не мог взять трубку — сидел на допросе задержанного по другому делу. Когда вышел и увидел пропущенные и сообщение, сердце ушло в пятки: «На жену Кости напал зверь. Мы в доме у неё. Приезжай, мне страшно».

Он гнал всю дорогу. Влетел во двор и остановился как вкопанный.

Вера сидела на земле над растерзанным телом. Всё вокруг было залито кровью. Женщина лежала неестественно вывернутая, кожа рвана, кости торчали из плоти. Вера рыдала, вся перепачканная, размазывала кровь подруги по лицу,

по одежде, тянулась к Роману руками.

— Рома... Рома, помоги...

Он не бросился к ней. Не обнял. Первое, что он увидел, — не кровь, не тело. Раны. Вершины рваных ран на мёртвой женщине. И ни одной на Вере. Ни царапины.

Рука потянулась к кобуре.

— Что здесь произошло?

Вера захлёбывалась слезами, пыталась говорить сквозь истерику:

— Это не я! На нас зверь напал! Он выскочил из леса, он...

— Почему ты не ранена?

Она замолчала. Глаза заметались. Качнула головой — раз, другой. Рот открылся, но слов не было.

— Рома, пожалуйста...

Она встала на колени, потянулась к нему. Сделала шаг.

— Остановись!

Но она не слышала его и вот уже встала на ноги и начала идти к нему.

— Стой!

Выстрел.

Тело дёрнулось и осело. Вера упала рядом с подругой, и две женщины лежали теперь рядом — одна растерзанная зверем, другая застреленная человеком.

Роман стоял, опустив пистолет. Руки дрожали. Ноги не держали. Он никогда не убивал человека. Сколько себя пом-

нил — зверь внутри рвал оленей, кроликов, всё что угодно, но только не людей. Отец учил: «Ты не убийца, пока не переступишь черту». И он не переступал. Все эти годы не переступал. А сейчас нажал на курок. Не когтями, не клыками, а рукой. Человеческой рукой. Человеческим выбором. Кто бы мог подумать, что он потеряет себя, будучи человеком, а не животным.

Минуты тянулись. Он стоял над двумя телами и не мог шевельнуться. Потом мысли начали складываться в привычную колею. Следовательно взял верх над человеком. Он посмотрел на Веру. Одетая. Рубашка цела, джинсы целы. Если бы она обратилась — ткань была бы разорвана. Она не могла стать зверем в одежде. А значит, жену Кости разодрал кто-то другой.

Хруст ветки. Костя вышел из кустов. Чистая рубашка, чистые руки. Будто вышел из магазина.

— Что случилось?! Я услышал выстрел! — Он подбежал, остановился, обвёл взглядом тела. — Господи...

— Что ты делал в лесу? — Голос Романа был ровным, почти мёртвым.

— Я прибежал на выстрел. Я же сказал.

— До выстрела. Что ты делал здесь до выстрела?

Костя дёрнул плечом, будто вопрос был нелепым. Но Роман уже шагнул ближе. И сквозь запах хвои, сырой земли и бензина пробился другой запах — густой, тёплый, звериный. Тот самый, что он чуял на трупе в лесу. А ещё — кровь.

Кровь жены Кости.

Роман смотрел на друга. Костя смотрел на него. И в этой тишине не осталось ни слов, ни сомнений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.